

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 930.2

ЗАМЕТКИ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Е. Г. Блосфельд

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
E-mail: genhist@mail.ru

Автор указывает на основные проблемы исторической науки – проблемы изучения переходных эпох, общих понятий, терминологии, места марксизма в методологии исторической науки и др.

Ключевые слова: современная историческая наука, общие понятия, марксистская методология, историческая терминология.

Remarks about Separatly Problems of the Historical Science

E. G. Blosfeld

The author indicate the principal problems of the modern historic science: problems of research of the traditional epochs, the general ideas, conceptions, the place of Marxism in historic methodology and etc.

Key words: modern historic science, general ideas, Marxist methodology, historic terminology.

Кризис исторической науки, начавшийся в конце 60-х гг. прошлого века и вызвавший к жизни «новую историческую науку», затем кризис, связанный с «лингвистическим поворотом» и выступлениями постмодернизма, а после полная растерянность в связи с полным кризисом марксизма, развалом СССР и социалистической системы – все это особенно сказалось на развитии российской науки. Сегодня этот кризис в значительной мере пошел на спад, приведя к нормальному диалогу ученых-историков, однако говорить о его конце не приходится.

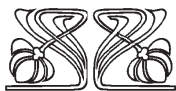
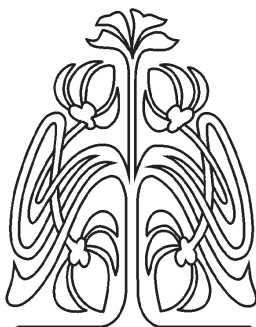
Смена научных парадигм и отказ от марксизма как единственной методологии исторического исследования в нашей стране привели к большому интересу к особенностям исторического познания, к появлению новых направлений (как и во всем мире), таких как гендерная история, история повседневности, локальная история, развился жанр исторического портрета. На этом пути появились отдельные интересные работы.

Но одновременно наметились калейдоскопичность истории, мелкотемье, начали размываться общие понятия и сам предмет истории.

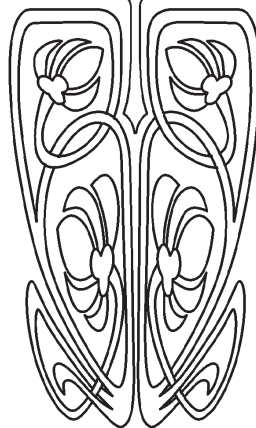
Профессор П. Ю. Уваров очень правильно отметил это относительно периода феодализма и самого содержания этого понятия¹. Но то же самое в ничуть не меньшей степени относится и к проблемам истории Нового и Новейшего времени.

Капитализм как понятие, проблема переходных эпох, соотношение власти и социально-экономических отношений – эти проблемы, на мой взгляд, сейчас совершенно отступили на задний план в исторической науке. В то же время они требуют рассмотрения в свете новых социально-экономических и социально-политических условий в мире.

Оживившийся вновь интерес к страноведению при остывании интереса к глобальной истории (не совсем оправданного в обстановке нынешнего подъема массового движения на Ближнем Востоке, в Северной Африке и во всей Европе) приводит к изолированному рассмотрению истории разных стран и разных этносов в разные эпохи. Вновь

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

назрели необходимость собирания и сравнения всех накопленных исторических знаний.

Призыв В. И. Уколовой к синхронной истории² очень своевременен. Я бы добавила, что анализ синхронных внепричинных явлений и связей приводит и к выяснению более точных причинных и закономерных связей, так как никакие явления и события в одной стране, по большому счету, не происходят без разного рода внешнего влияния (торговли, политических конфликтов, дипломатии, экономической конкуренции и т. п.), и в наше время – особенно. При этом всегда при синхронном рассмотрении явлений и событий история отмечает и асинхронность их содержания: в одно и то же время разные регионы развиваются неодинаково и могут находиться на разных стадиях социального развития.

Большое внимание к личностному фактору в истории, как явление само по себе положительное привело к появлению в отечественной исторической науке массы работ, посвященных исключительно частной жизни видных исторических личностей, их интимным отношениям, что является самоцелью авторов, вне учета исторических условий и места этих личностей в истории. «Безлюдная» или «многолюдная» история смешалась с «многолюдьем» без понимания смысла так, что же эти люди делали в истории, таким «гламуром». Но чаще всего в этих работах имеется плохо скрытый политический подтекст. Это работы об И. В. Сталине, о В. И. Ленине и его отношениях с И. Ф. Арманд и т. п.

Субъектно-объектный характер исторического исследования как выражение аналогичного характера предмета исследования – истории сознательно действующих людей – составляет специфику истории с естественными и так называемыми точными науками. Очень нужна работа над понятиями, углубление понимания переменчивости и конкретности содержания понятий при исследовании исторического прошлого породило в последнее время тенденцию к созданию языка историка, но следствием этого явились две другие проблемы.

1. Многие историки отказываются от интерпретации и оценки исторических фактов, как неизбежно выражающих их субъективное восприятие, отказываются от важнейших завоеваний историзма XIX–XX вв., дабы не впасть в постмодернизм. Но разве приходит кому-то в голову отрицать научность данных агрономии, метеорологии, географии и т. п., хотя в них имеется масса различных, противоречащих друг другу, трактовок, причин сегодняшнего изменения климата, поведения планет, тектонических изменений? Все эти трактовки тоже создают элемент субъективности.

2. Возникла проблема (кстати, она существует уже давно) определенного научного единства или соглашения в вопросах терминологии. Сегодня историки, философы, социологи говорят часто об одном и том же как будто на разных языках. Так,

философы говорят о периоде модерна (XIX – середина XX в.) и постмодерна (со второй половины XX в.), рассматривая историческую науку в этих временных рамках. Между тем в исторической науке термины «модернизм» и «постмодернизм» более конкретны, характеризуются культурными признаками, привязаны к более узким временным периодам и оба относятся ко второй половине XX в. (постмодерну с точки зрения философии). По общепризнанной же периодизации в «модерн» входят и романтизм, и позитивизм, и марксизм, и весь историзм XIX в.

Свою лепту в эту «разноголосицу» терминов вносят и безумные иноязычные заимствования, не всегда необходимые, но затрудняющие понимание исторических текстов современных исследователей.

Более всего, однако, в результате обновления методологии истории досталось марксизму. Причем и здесь часто «торчат уши» моды, политизированности, конъюнктуры. На одном из ученых собраний пришлось даже услышать, что К. Маркс – вернее, его методология – это «дохлая собака», которой «пора на свалку». При всех погрешностях марксизма, вызванных временем, прошедшим с периода его оформления, а также его догматизацией, современные социально-экономические и социально-политические кризисы при всех их особенностях позволяют увидеть многие аналогии с прошлым и убеждают в верности и глубине многих оценок К. Маркса, в применимости его методологической позиции и сегодня. Кстати, его оппоненты, как ярые, так и более благожелательные, в 60–70-е гг. XX в. не торопились отправлять его на свалку: К. Поппер, Р. Арон, Ф. Бродель отдавали Марксу должное и признавали его влияние на свое творчество и на историческую науку.

Давно пора, на мой взгляд (и это высказывалось уже многими), закончить спор между формационным, культурологическим и цивилизационным подходами, признать правомерность и тех и других, возможность их сочетания в зависимости от задач исследования.

Надо признать, что К. Маркс (не догматический марксизм) во время сильнейшего методологического кризиса исторической науки во второй половине XIX в. применением диалектно-материалистической философии к историческому процессу дал надежную научную опору историкам в их исследовании прошлого, в понимании связи эпох, вселив в них оптимистическую веру в научность добытых ими знаний. К Маркс показал образец системного анализа исторических явлений (того же капитала и капитализма) во всех их связях и исторических проявлениях, образец выявления сущности в конкретном, частного во всеобщем, общего в частном.

Почему же сегодня, говоря о революциях XVII, XVIII, XIX вв., историк не может использовать общих понятий применительно к ним и к

любому конкретному событию? И что же будет представлять без этих понятий история?

Все сегодняшние рассуждения, повторяющие старые, еще домарксистские утверждения о том, что английская революция и Французская революция XVIII в. не были буржуазными, что буржуазии в современном смысле слова тогда не было, что Октябрьская революция в России не была пролетарской и социалистической и тому подобное, – это пустой разговор, подтверждающий лишь эволюцию исторических и социологических понятий, но не отвергающий выводов и оценок К. Маркса. Ибо, в конце концов, кому же на пользу прежде всего пошли английская и Великая французская революции, как не буржуазии? И разве не они способствовали утверждению капитализма в Англии, Франции, в Европе в целом? Аналогичный вывод можно сделать и об Октябрьской революции, от которой выиграли именно пролетарские низы города и деревни.

Все современные ревизионистские рассуждения о характере этих революций не опровергают марксовых оценок, а лишь подтверждают необходимость наведения порядка в исторической терминологии.

Отмеченные здесь некоторые проблемы нашей исторической науки, вернее, ее методологии, должны решаться в целом сообществе историков.

Примечания

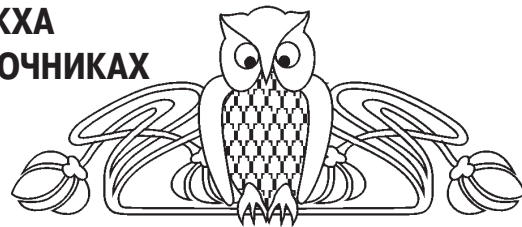
- ¹ Уваров П. Ю. «Мы теряем его». Сообщество российских медиевистов между 1985 и 2010 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». Вып. I. Историческая наука в современной России. М., 2010. № 1. С. 61–62.
- ² См.: Уколова В. И. Нужна ли синхронная история // Там же. С. 63–70.

УДК 94 (3)

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ЗАКОН ГАЯ СЕМПРОНИЯ ГРАКХА В ПИСЬМЕННЫХ И ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Р. В. Лапырёнок

Саратовский государственный университет
E-mail: lapyrionok@mail.ru

В статье рассматривается античная традиция о земельном законе Гая Семпрония Гракха. На основе изучения письменных и эпиграфических источников подвергается критике точка зрения, согласно которой содержание земельного закона Гая Семпрония Гракха было идентично содержанию *lex Sempronia agraria* 133 г. до н. э. Также предпринимается попытка определить категории общественной земли, задействованные при проведении аграрной реформы 123–122 гг. до н. э.

Ключевые слова: Тибериус Семпроний Гракх, Гай Семпроний Гракх, Аппиан, Плутарх, *lex Sempronia agraria*, земельный закон 111 г. до н. э., *Illviri agris iudicandis adsignandis*, *Illviri agris dandis adsignandis*.

The Agrarian Law of Gaius Sempronius Gracchus in Narrative and Epigraphic Evidence

R. V. Lapyrionok

This article considers the ancient evidence for agrarian law of Gaius Sempronius Gracchus. On the basis of re-examination of our literary and epigraphic sources author criticizes the view that this law was identical to the *lex Sempronia agraria* of 133 BC. He tries to define the categories of public land, which was distributed among Roman citizens during the agrarian reform of 123–122 BC.

Key words: Tiberius Sempronius Gracchus, Gaius Sempronius Gracchus, *lex Sempronia agraria*, agrarian law of 111 BC, *Illviri agris iudicandis adsignandis*, *Illviri agris dandis adsignandis*.

Передача консулам права определять, какая земля принадлежала частным лицам, а какая была частью фонда *ager occupatorius*, явилась сокру-

шительным ударом по политическим позициям гракханцев, которые потерпели самое тяжёлое поражение со времени убийства инициатора аграрной реформы. Земельный фонд комиссии триумвиров перестал пополняться, вследствие чего наделение участками граждан было приостановлено. Внутривнутриполитическую обстановку ещё более накалила неожиданная смерть Сципиона Эмилиана, которую большинство римлян считало делом рук оппозиции, отомстившей этим лидеру антигракханской коалиции за его активное противодействие её планам¹. Аграрная комиссия формально продолжала существовать, но её деятельность ограничивалась теперь лишь распределением земель, изъятых у частных лиц до принятия закона о передаче судебных полномочий в распоряжение консулов. С этого времени инициатива в политической борьбе переходит на сторону сената. Вплоть до консульства М. Фульвия Флакка (125 г. до н. э.), который попытался внести раскол в ряды противостоявшей реформаторам коалиции римских и италийских крупных собственников², мы не находим свидетельств об активном участии гракханцев в общественной жизни.

Большие надежды сторонники земельной реформы связывали с младшим братом убитого Тибериуса Гракха – Гаем, который в это время отправлял должность квестора при наместнике Сардинии Л. Аврелии Оресте³. Первый трибунал младшего Гракха, который, судя по всему, не соби-